

Когда Дуань Цинянь была удивлена, узнав таинственного гостя, мужчины средних лет, которые шли впереди троих, не остановились и подошли к главной леди Ханг.

Он наклонился с уважительным и спокойным выражением лица: «Мисс Ханг, все те, кто занимался чайным искусством дома, пришли сюда».

"..."

Услышав это имя, Дуань Цинянь была ошеломлена и подсознательно подняла голову, чтобы посмотреть. Когда ее глаза упали, она хотела начать со сплетен, о которых говорили другие слуги семьи Тан.

Управляющего в семье Тан звали Цю и Цю И, и он был в семье Тан от 20 до 30 лет.

По слухам, он не из ортодоксального домашнего этикета. Двадцать или тридцать лет назад он был просто гангстером, который был жестоким и отчаянным на улице. Позже, в драке, он был тяжело ранен и чуть не умер на обочине дороги. Ханг Вэй, которая случайно проходила в это время, старушка Ханг, когда она была молода, попросила кого-нибудь забрать его для лечения. Это спасло ему жизнь.

Ханг Вэй вышла замуж за семью Тан очень рано, и ее молодой овдовевший муж, один в группе языков, поддерживал бизнес семьи Тан, и ее интриги были ужасными.

Никто не знает, почему она вообще спасла отчаявшегося гангстера, не связанного с ней. Они знают только то, что с тех пор люди, у которых был разрыв с семьей Тан, упоминали Цю И, и все они стиснули зубы и говорили, что он был самой верной собакой после Ханг Вэй.

С тех пор Цю И ни в кого не называла Ханг Вэй, а называла ее «мисс Ханг».

С тех пор, как все хотели запугать слабую молодую вдову-мать семейства Тан, до сих пор все только осмеливались называть ее «Старушка Ханг», и она даже не осмеливалась добавить персонажа Тан, Цю И относилась к ней. Название «десятилетиями было как один день и никогда не менялось».

Старушка Ханг, очевидно, уже привыкла.

Она спокойно подняла глаза, ее глаза медленно скользили по трио Дуань Циняня.

Когда взгляд был оторван от ее тела, Дуань Цинянь немедленно опустила голову, но она все еще не могла сдержать инстинктивную дрожь.

Старая леди Ханг десятилетиями накапливала престиж внутри и за пределами семьи Тан, и импульс в ее глазах на самом деле не игра.

Дуань Цинянь очень самосознающий, не любит мечтать и не интересуется Пань Гаочжи. И она также слышала, что эта старушка Ханг была настолько жестока, что даже не относилась к своей внучке как к личности, поэтому она только бормотала в своем сердце: «Это не я, не я, не я».

Несколько секунд в чайной комнате воцарилась тишина, и Дуань Цинянь услышала, как старушка тихо сказала: «Позови ее».

"..."

Дуань Цинянь тайно подняла глаза и затем увидела руку старушки Ханг, указывающую на ее тело.

Дуань Цинянь: "...?"

Какого злого бога она ударила сегодня?

Когда старуха Ханг заговорила, никто в семье Тан не осмеливался слушать, кроме Цю И.

Как бы ни сопротивлялась Дуань Цинянь, она могла только укунить пулю, сделать глубокий вдох и сознательно идти вперед.

Добравшись до исключительного положения чайного мастера у чайного моря, Дуань Цинянь нервно напрягла глаза и, следуя инстинктам, приобретенным в предыдущие годы чайного искусства, наблюдала за чайными листьями в круглой примитивной деревянной коробке перед ней, различал типы и качество цвета. .

Пока Дуань Цинянь все еще осматривала ее, пожилая женщина Ханг говорила с Лань Цзинцян, сидевшей напротив нее.

«Г-н Лань внезапно подошел к двери, а дома не было никаких приготовлений. Мастера чая сейчас нет в доме, доступны только два или три домашних дела, которые практиковали чайное искусство. Если они сделали что-то грубое, они могут только попросить г-на Лана терпеть это. .
»

Тон этого слова был невежливым, Дуань Цинянь почувствовала себя напряженной, когда услышала это, и посмотрела в другую сторону.

Красивый мужчина, казалось, не удивился, и только холодным голосом ответил: «Мое первое блюдо на чайной церемонии было в семье Тан. В то время я вел себя грубо и не знал манер. Спасибо за вашу терпимость».

Старушка Ханг: «Правда? Я уже не помню».

Лан Цзинцян слабо улыбнулся, с неопределимой холодностью между бровями: «У меня глубокая память».

«Люди живут в этом мире, иногда их память не так хороша, прошлое спотыкается, и дорога не за горами. Некоторые старые вещи несут в себе размышления, и это плохо для людей или самих себя - как насчет мистера Лана?»

«Ты старший, ты прав, - тихо сказал Лань Цзинцян и поднял глаза, - но молодое поколение всегда имеет точку зрения на молодое поколение».

Лицо старушки Ханг было слегка смуглым: «Например».

Лань Цзинцян ничего не ответил.

Под спокойствием этих глаз эмоции, наконец, нахлынули, и он не знал, какой ужас возникнет в его сердце, но на лице он почти ничего не показал.

Через некоторое время Лань Цзинцян, казалось, коротко улыбнулся: «Молодое поколение чувствует, что стирание прошлого равносильно стиранию кого-то. Если бы не прошлое, молодому поколению было бы трудно достичь сегодняшнего дня. Боюсь, это будет больше

похоже на то, что вы сказали тогда. — Не достойно сидеть и разговаривать с тобой ».

"...!"

Дуань Цинянь выбирала заварочное оборудование в соответствии с типом чая, и она пожала руку, когда услышала это предложение. Чайный лотос, которым она разливала чай в руке, ударяется о чайник, и раздается хрустящий фарфоровый звук.

Старушка Ханг холодно оглянулась.

Дуань Цинянь поспешно извинилась низким голосом, повернула голову вниз, стона в сердце -

Если это было просто нашествие темного хаоса, то последней фразой Лань Цзинцяня, очевидно, было сорвать покрытие, доведя атмосферу до критической точки.

К счастью, в это время старуха Ханг явно не сосредоточивалась на других вещах. После предостерегающего взгляда на Дуань Цинянь она снова посмотрела на Лан Цзинцяня.

Посмотрев друг на друга несколько секунд, старушка Ханг даже холодно улыбнулась: «Итак, мистер Лан пришел сегодня сделать мне выговор за то, что я не знаю жемчуга и нефрита, а также за то, что легонько взял вас и ударил меня по лицу?»

Когда голос старушки Ханг охладился, атмосфера в чайной тут же замерзла.

Дуань Цинянь дрожала в сердце, но ее руки были уже напряжены, готовясь. От всего сердца она медитировала на «горячем котле» первого процесса, поднесла цилиндр с длинным стержнем, похожим на бамбук, к кипяченой воде из горного источника и медленно вылила ее в горшок.

Голос человека за морем чая был слышен в звуке затяжной воды, стекающей по корпусу чайника: «У меня были такие мысли в те годы, когда тебя выгнали из страны».

Старушка Ханг была невозмутима: «А теперь, не больше?»

«Не часто, но иногда я все еще думаю об этом».

«Затем мистер Лан неожиданно подошел к двери, когда подумал, что ему делать сегодня?» - бесцеремонно спросила старушка Ханг.

Лань Цзинцянь тихо сказал: «Я давно понял ответ. Ты мать Шию и, естественно, мои старшие. Старшие относятся жестко, младшие могут вынести это, и если они могут вынести это, они могут избежать этого - вы не можете ждать. Когда тебе исполнится шестидесятый год, я вернусь снова, чтобы отомстить за клевету ».

"..."

Хотя слова все еще были невежливыми, лицо миссис Тан, наконец, немного смягчилось.

Дуань Цинянь ошпарила горшок рядом с чашкой, взяла чай с чайным лотосом и положила его в горшок, промыла водой из горячего источника, и чай раскатился и рассыпался со звуками разговора, и жар стал горячим.

В это время Дуань Цинянь почувствовала, что плавающий водяной пар немного теплый.

Соскребая чайную пену, Дуань Цинянь осторожно налила заваренный чай в чашку и по одному протянула старушке Ханг и Лань Цзинцянь.

"Спасибо."

Голос Лань Цзинцянь был низким и нежным.

Дуань Цинянь льстиво посмотрели друг на друга. Затем она обнаружила, что Лань Цзинцянь не пробовал чай, но отложил чашку в сторону.

... Это не похоже на ритм для разговоров.

Как только у Дуань Цинянь появилось это предчувствие в сердце, она услышала, как Лань Цзинцянь сказал: «Хотя я не хочу мстить, я не тот человек, который может отомстить добродетелью. Поэтому, когда я получил ответ, я уже решил не брать семью Тан. Дверь, не говоря уже о семье Тан ».

Старушка Ханг уже подняла перед собой чашку, ее веки задрожали.

Она остановилась, нахмурившись и подняв глаза: «Тогда почему ты здесь сегодня?»

Лань Цзинцянь: «Я здесь, чтобы спросить тебя о ком-то».

"..."

Старушка Ханг, казалось, о чем-то думала, ее глаза в этот момент упали, но, в конце концов, она не сказала лишнего слова, она опустила глаза ...

"ВОЗ."

Спокойное настроение в глазах Лань Цзинцяня наконец разорвалось, и он немного холодно сопротивлялся:

"Есть ли в семье Тан маленькая девочка по имени Тан Ран?"

"——!"

Дуань Цинянь не была готова, и рука, которая держала чашку, внезапно задрожала, чайный лотос упал с его руки, и кусок недопитого чая пролился.

Звук чайного лотоса, ударяющегося о море чая, также вызвал на мгновение затвердевший разум старушки Ханг. Ее лицо внезапно опустилось, и чашка чая в ее руке хлопнула, с грохотом, горячий чай разлился по всему телу.

"Цю И!"

Голос старушки за эти короткие секунды стал немым.

Прежде чем Дуань Цинянь успела среагировать, она почувствовала, что ее правая рука напряглась, и через несколько секунд сильное напряжение и онемевшая боль вернулись из ее руки...

Цю И, который тихо ждал в углу, не знал, когда подойти, и невольно схватил ее за руку и потащила ошеломленную Дуань Цинянь из чайной комнаты.

Десять секунд спустя.

Дверь чайной была закрыта.

Дуань Цинянь вытащили на несколько метров, ее лицо побледнело от испуга - в этот момент она чрезвычайно поверила словам слуг, что экономка Цю И была жестоким уличным гангстером в молодости.

Она подозревала, что слышала что-то такое, чего не следовало слышать, и ее заставят замолчать.

Когда Дуань Цинянь представила, в какую маленькую черную комнату ее возьмут, чтобы положить мешок, у нее задрожали зубы, и она не смогла даже позвать на помощь, Цю И потащил ее через угол коридора и отпустил без предупреждения. рука.

"—!"

Без растягивающей опоры ноги Дуан Цинянь смягчились и почти рухнули на землю.

Мужчина средних лет, которому было почти полвека, снисходительно смотрел на нее, невыразительно глядя на нее.

Дуань Цинянь почувствовала, что глаза этого человека были такими же холодными, как при взгляде на камень или кусок мертвого дерева. Он определенно был не один, и не было ни малейшего ощущения, что мужчина средних лет будет тронут и жалок, когда увидит такую ??напуганную молодую женщину.

Дуань Цинянь подозревала, что другая сторона думала, как ее убить, и она вздрогнула еще больше: «Экономка Цю Цю Цю ... Я просто ничего не слышала, я, я, я ничего не скажу ...»

Цю И ничего не сказал, но холодно посмотрел на нее, как будто оценивая надежность ее обещания.

Спустя долгое время, убедившись, что Дуань Цинянь не действует, она так испугалась, что идет в больницу, Цю И опустил веки.

«Помни, что ты сказала», - голос мужчины средних лет был беспокойным, но спокойным, но шокирующим: «Если я слышу что-то, чего не должно происходить, тогда превратите ужас в своей голове в реальность. "

"...!"

В затуманенном от слез видении Дуань Цинянь Цю И не сказал ни слова, повернулся и ушел.

Долго ждала, пока шаги в коридоре не исчезнут.

Дуань Цинянь тяжело вздохнула, затем яростно закашлялась и заплакала. Она прислонилась к стене, чтобы сгорбиться, и отчаянно дышала, в то же время энергично поглаживая грудь, чтобы облегчить себе настроение.

Дуань Цинянь почувствовала, что она ожила от такого неприятного кашля.

После "воскрешения" Дуань Цинянь пришла в голову первая мысль о том, что выскочка из контрольного поля, которую разрекламировали бесчисленные финансовые публикации,

приехал в семью Тан , чтобы найти Тан Ран.

Если она воспользуется преимуществом того факта, что старушка Ханг не узнала, что она служанка, доставляющая еду в боковой дом, рискуя жизнью, чтобы рассказать об этом Тан Ран ...

<http://tl.rulate.ru/book/48065/1275639>